

«Попасть в северокорейский ГУЛАГ легко, выйти — невозможно».
— The Washington Post

Б Л Е Й Н Х А Р Д Е Н

ПОБЕГ

ИЗ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Он родился в заключении, где чужие били, а свои — предавали. Он сбежал из лагеря на другой континент, но остался узником в своем сознании. Спустя годы жизни на свободе он все еще не умеет смеяться.

Харден Блейн

Побег из лагеря смерти

Серия «Вокруг планеты за 80 книг»

Серия «Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5015392

Побег из лагеря смерти / Блейн Харден ; [пер. с англ. Д. А. Куликова].:

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-60495-1

Аннотация

Он родился и живет в заключении, где чужие бьют, а свои – предадут. Его дни похожи один на другой и состоят из издевательств и рабского труда, так что он вряд ли доживет до 40. Его единственная мечта – попробовать жареную курицу. В 23 года он решается на побег...

Шин Дон Хёк родился 30 лет назад в Северной Корее в концлагере № 14 и стал единственным узником, который смог оттуда сбежать. Считается, что в КНДР нет никаких концлагерей, однако они отчетливо видны на спутниковых снимках и, по оценкам правозащитников, в них пребывает свыше 200 000 человек, которым не суждено выйти на свободу. Благодаря

известному журналисту Блейну Хардену Шин смог рассказать, что происходило с ним за колючей проволокой и как ему удалось сбежать в Америку.

Международный бестселлер, основанный на реальных событиях. Переведен на 24 языка и лег в основу документального фильма, получившего мировое признание.

Содержание

Серия «True Story»	6
О книге	10
Предисловие. Воспитательный момент	22
Введение. Он никогда не слышал слова «любовь»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Блейн Харден

Побег из лагеря смерти

*Остающимся в лагерях гражданам Северной
Кореи*

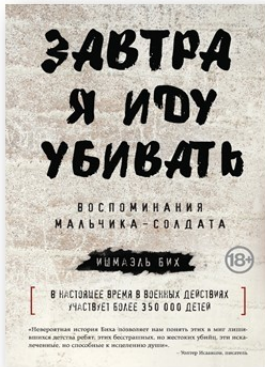
Blaine Harden

ESCAPE FROM CAMP 14:

One Man's Remarkable Odyssey from North Korea
to Freedom in the West

Серия «True Story»

КНИГИ СЕРИИ "TRUE STORY"

«Затерянные в Шангри-Ла»

Автор: Митчелл Зукофф

Реальная история о том, как увлекательное путешествие обернулось авиакатастрофой и отчаянной борьбой за выживание на диком острове, населенном туземцами-каннибалами. Признана «ЛУЧШЕЙ КНИГОЙ 2011 ГОДА».

«В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая»

Автор: Кэтрин Бу

Лучшая книга 2012 года, по мнению более 20 авторитетных изданий. Герои книги живут в трущобах, беднейшем квартале Индии, расположенном в тени ультрасовременного аэропорта Мумбаи. У них нет настоящего дома, постоянной работы и уверенности в завтрашнем дне. Но они хватаются за любую возможность вырваться из крайней нищеты, и их попытки приводят к невероятным последствиям...

«12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа»

Автор: Соломон Нортап

Книга Соломона Нортапа, которая стала исповедью о самом темном периоде его жизни. Периоде, когда отчаяние почти задушило надежду вырваться из цепей рабства и вернуть себе свободу и достоинство, которые у него отняли. Текст для перевода и иллюстрации заимствованы из оригинального издания 1855 года. По этой книге был снят фильм «12 лет

рабства», номинированный на «Оскар-2014».

«Побег из лагеря смерти (Северная Корея)»

Автор: Блейн Харден

Международный бестселлер, основанный на реальных событиях. Книга была переведена на 24 языка и легла в основу документального фильма, получившего мировое признание. Книга-скандал! Герой книги Шин – единственный в мире человек, который родился в северокорейском концлагере и смог оттуда сбежать.

«Завтра я иду убивать. Воспоминания мальчика-солдата»

Автор: Ишмаэль Бих

Исповедь молодого человека из Сьерра-Леоне, который после нападения боевиков на его родной поселок потерял всех членов своей семьи и был вынужден вступить в армию в возрасте 13 лет. К 16 годам он уже был профессиональным убийцей, не задающим лишних вопросов. «Завтра я иду убивать» позволяет нам взглянуть на войну глазами подростка, более того – подростка-солдата.

О книге

Никаких «проблем с правами человека» в нашей стране не существует, потому что все в ней живут достойной и счастливой жизнью.

Центральное телеграфное агентство [Северной] Кореи, 6 марта 2009 г.

«Книга Хардена – это не только увлекательная, рассказанная с безжалостной прямоотой история, но и кладезь доселе неизвестной информации о таинственной, как черная дыра, стране».

– *Билл Келлер, The New York Times*

«Выдающаяся книга Блейна Хардена *«Побег из лагеря смерти»* рассказывает нам о диктаторском режиме, царящем в одном из самых страшных уголков нашего мира, гораздо больше, чем можно узнать из тысяч учебников... *«Побег из лагеря смерти»*, история прозрения Шина, его побега и попыток начать новую жизнь, это завораживающая, удивительная книга, которую следовало бы сделать обязательной для изучения в школах и колледжах. Этот душераздирающий отчет очевидца о систематически творящихся чудовищных злодеяниях похож на *«Дневник Анны Франк»* или рассказ Дита Прана о бегстве от Полпотовского геноцида в Камбодже в том, что его невозможно читать без боязни, что у тебя

от ужаса вот-вот остановится сердце... Харден на каждой странице книги блещет своим писательским мастерством».

– *The Seattle Times*

«Книге Блейна Хардена нет аналогов. «Побег из лагеря смерти» – это завораживающее описание кошмарного антигуманизма, невыносимой трагедии, еще более страшной оттого, что весь этот ужас продолжает твориться прямо в эту минуту, и конца ему не видно».

– *Terpu Хонг, Christian Science Monitor*

«Если у вас есть сердце, то «Побег из лагеря смерти» Блейна Хардена изменит вас раз и навсегда... Харден знакомит нас с Шином, показывая его не каким-то героем, а простым человеком, пытающимся разобраться во всем, что с ним сотворили, и во всем, на что ему пришлось пойти ради возможности выжить. В результате, «Побег из лагеря смерти» превращается в обвинительный приговор бесчеловечному режиму и памятник тем, кто всеми силами старался не терять человеческого облика перед лицом зла».

– *Митчелл Зукофф, автор бестселлера «Затерянные в Шангри-Ла»*

«Выдающаяся история, обжигающий сердце рассказ о пробуждении личности в узнике самой строгой тюрьмы Северной Кореи».

– *The Wall Street Journal*

«Пока американские политики гадают, какие перемены может принести недавняя смерть руководителя Северной Кореи Ким Чен Ира, люди, прочитавшие эту увлекательнейшую книгу, смогут лучше понять жестокость сохраняющегося в этом странном государстве режима. Не отвлекаясь от главной темы книги, Харден мастерски вплетает в повествование сведения об истории, политическом и общественном устройстве Северной Кореи, обеспечивая богатый исторический фон злоключениям Шина».

– *Associated Press*

«По динамике сопровождавшаяся чудесным везением и проявлениями беспримерной отваги история бегства Шина из лагеря не уступает классическому фильму «*Большой побег*». Если говорить о ней, как об эпизоде из жизни обычного человека, то она в клочья разрывает сердце. Если бы все, что ему довелось пережить, если бы тот факт, что он видел в своих родных только соперников в битве за пропитание, показали в каком-нибудь художественном фильме, вы бы решили, что сценарист слишком нафантазировал. Но, наверно, самое важное в этой книге – это то, что она поднимает один вопрос, о котором стараются молчать, вопрос о том, что Западу рано или поздно придется ответить за свое бездействие».

– *The Daily Beast*

«Потрясающая биографическая книга... Если вы действительно хотите понять, что происходит внутри государства-изгоя, вы просто обязаны прочитать ее. Это душераздирающая история храбрости и отчаянной борьбы за выживание, местами мрачная, но, в конечном итоге, жизнеутверждающая».

– CNN

В «*Побеге из лагеря смерти*» Харден описывает всю удивительную одиссею Шина, от первых детских воспоминаний – публичной казни, свидетелем которой он стал в четырехлетнем возрасте – до его деятельности в составе южнокорейских и американских правозащитных организаций... Пересказывая практически невозможную историю освобождения Шина, Харден проливает свет на моральную язву человечества, существующую в 12 раз дольше фашистских концентрационных лагерей. Читатель никогда уже не сможет забыть мальчишескую и не по годам мудрую улыбку Шина – новый символ свободы, побеждающей тоталитаризм».

– Уилл Лизло, *Minneapolis Star-Tribune*

«Харден с большим мастерством переплетает оценки нынешнего состояния всего северокорейского общества с персональной историей жизни героя книги. Он со всей четкостью и ясностью демонстрирует нам внутреннюю механику этого тоталитарного государства, его международную политику и последствия происходящих

в нем гуманитарных катастроф... Эта небольшая книга производит сильнейшее впечатление. Автор оперирует только фактами и отказывается от эксплуатации эмоций читателя, но и этих фактов оказывается достаточно, чтобы у нас заняло сердце, чтобы мы начали искать дополнительную информацию и задаваться вопросом, каким образом мы могли бы ускорить наступление больших перемен».

– Дамьен Кёрби, *The Oregonian*

«История, в корне отличная от всех других... Особенно, от других книг о Северной Корее, включая и написанную мной. «Побег из лагеря смерти» демонстрирует нам беспрецедентную жестокость, на которой держался режим Ким Чен Ира. Ветеран зарубежной журналистики Блейн Харден из *The Washington Post* ведет свой рассказ просто мастерски... Честная книга, это видно по каждой ее странице».

– Барбара Демик, автор книги [*«Nothing to Envy: Ordinary Lives in North Korea»*](#)

«Харден рассказывает историю, от которой захватывает дух. Читатель следит за тем, как Шин узнает о существовании внешнего мира, нормальных человеческих взаимоотношений, лишенных зла и ненависти, как он обретает надежду... и как мучительно идет к новой жизни. Книга, которую должен прочитать каждый взрослый человек».

– *Library Journal*

«Когда мы знакомимся с главным героем, обреченным на непосильный принудительный труд, смертельную вражду с себе подобными и жизнь в мире, где нет ни капли человеческого тепла, нам кажется, что мы читаем триллер-антиутопию. Но это не фантастика – это реальная биография Шина Дон Хёка».

– *Publishers Weekly*

«Пробирающая до костей, потрясающая история побега из страны, о которой никто ничего не знает».

– *Kirkus Reviews*

«Рассказывая об удивительной жизни Шина, Харден раскрывает нам глаза на Северную Корею, существующую в реальности, а не в громких газетных заголовках, и воспекает стремление человека остаться человеком».

– *Маркус Ноланд, автор книги «Свидетельства трансформации: Рассказы беженцев о Северной Корее»*

«Блейн Харден из *Washington Post* – опытный репортер, побывавший во множестве горячих точек, например, в Конго, Сербии и Эфиопии. И все эти страны, недвусмысленно дает понять он, можно считать вполне успешными по сравнению с Северной Кореей... За эту мрачную, наводящую ужас, но, в конце концов, дающую определенную надежду книгу о человеке с искаленной душой, выжившему только благодаря удачному стечению обстоятельств и не нашедшему счастья даже на свободе, Харден заслуживает не просто

восхищения, а много-много большего».

– *Literary Review*

«Жизнеописание Шина, которое временами читать просто больно, повествует о его физическом и психологическом побеге из закрытого тюремного общества, где нет места человеческим чувствам, и путешествии к радостям и сложностям жизни в свободном мире, где человек может чувствовать себя человеком».

– Конгдан О, соавтор книги «*The Hidden People of North Korea: Everyday Life in the Hermit Kingdom*»

«В этом году выйдет много хороших книг. Но эта книга абсолютно уникальна... Шин Дон Хёк – единственный человек, родившийся в северокорейском лагере для политических заключенных, которому удалось совершить побег и покинуть страну. Он во всех подробностях описал свои приключения в беседах с ветераном зарубежной журналистики Блейном Харденом, который потом и написал эту выдающуюся книгу... Я не могу сказать, что на поставленные в книге вопросы существуют ответы. Но один вопрос очень важен. И звучит он так: «Сейчас американские школьники спорят о том, почему Президент Франклин Д. Рузвельт не стал бомбить железные дороги, ведущие в гитлеровские лагеря смерти. Но буквально через поколение уже их дети могут спросить, почему страны Запада бездействовали, смотря на предельно четкие и понятные спутниковые

снимки лагерей Ким Чен Ира». Читать эту книгу тяжело. Но надо».

– Дон Грэм, Председатель совета директоров *The Washington Post*

«Незабываемое приключение, история взросления человека, на чью долю выпало самое страшное детство, какое только можно себе вообразить»

– *Slate*

СОСТАВЛЕННАЯ ШИНОМ СХЕМА ЛАГЕРЯ 14

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

Обозначения

— Ограда лагеря

⊙ Посты охраны

1 Дом, где жил Шин

2 Поле, где производились казни

3 Школа Шина

4 Место, где класс Шина атаковали дети надзирателей

5 Плотины, где работал и вылавливал тела утонувших Шин

6 Свиноферма, где работал Шин

7 Швейная фабрика, где Шин узнал

Составленная Шином схема Лагеря 14

На большой карте:

Taedong River – Река Тэдонган

Camp fence – Ограда лагеря

Guard post – Посты охраны

1. Дом, где жил Шин Дон Хёк

2. Поле, где производились казни

3. Школа Шиная

4. Место, где класс Шиная атаквали дети надзирателей

5. Плотиная, где Шин работал и вылавливал тела утонув-

ших

6. Свиноферма, где работал Шин

7. Швейная фабрика, где Шин узнал о существовании

внешнего мира

8. Участок изгороди, где Шин совершил побег из лагеря

На маленькой карте:

China – Китай

Russia – Россия

Camp 14 – Лагерь 14

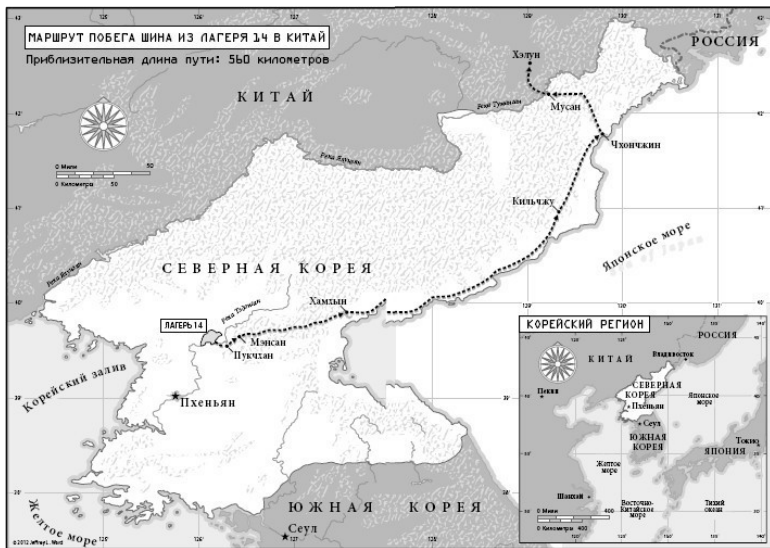
Korea Bay – Корейский залив

Pyeongyang – Пхеньян

Sea of Japan – Японское море

Yellow Sea – Желтое море

South Korea – Южная Корея

Маршрут побега Шина из Лагеря 14 в Китай

Приблизительная длина пути: 560 километров

На большой карте:

China – Китай

Yalu River – Река Ялуцзян

North Korea – Северная Корея

Camp 14 – Лагерь 14

Taedong River – Река Тэдонган

Bukchang – Пукчан

Maengsan – Мэнсан

Namhung – Намхун

Korea Bay – Корейский залив

Pyongyang – Пхеньян

Yellow Sea – Желтое море

South Korea – Южная Корея

Seoul – Сеул

Helong – Хэлун

Russia – Россия

Tumen River – Река Туманган

Musan – Мусан

Chongjin – Чхончжин

Gilju – Кильчжу

Sea of Japan – Японское море

На малой карте:

Название карты – КОРЕЙСКИЙ РЕГИОН

В остальном все, как в любом географическом атласе.

Предисловие.

Воспитательный момент

Первым воспоминанием в его жизни была казнь.

Мать привела его на пшеничное поле около реки Тэдонган, где охранники уже собрали несколько тысяч заключенных. Возбужденный таким количеством людей, мальчишка прополз под ногами взрослых в самый первый ряд и увидел, как охранники привязывают к деревянному столбу человека.

Шин Ин Гыну было всего четыре года, и он, конечно, еще не мог понять смысла произнесенной перед казнью речи. Но, присутствуя на десятках других казней в следующие годы, он еще не раз услышит обращенный к толпе рассказ начальника расстрельной команды о том, что мудрое и справедливое Правительство Северной Кореи давало приговоренному к смерти возможность «искупить вину» упорным трудом, но он отверг это щедрое предложение и отказался встать на путь исправления. Чтобы заключенный не мог выкрикнуть последние проклятия в адрес государства, которое вот-вот отнимет у него жизнь, охранники запихивали ему в рот горсть речной гальки, а потом накрывали голову мешком.

В тот – самый первый – раз Шин во все глаза смотрел, как три охранника взяли приговоренного на мушку. Каждый из них выстрелил по три раза. Грохот выстрелов так напугал

мальчика, что он отпрянул и навзничь упал на землю, но торопливо поднялся на ноги и успел увидеть, как охранники отвязали от столба обмякшее, залитое кровью тело, завернули его в одеяло и бросили на телегу.

В Лагере 14, специальной тюрьме для политических врагов социалистической Кореи, собираться более чем по двое заключенным разрешалось только во время расстрелов. Приходить на них должны были все без исключения. Показательные казни (и страх, который они наводили на людей) использовались в лагере в качестве воспитательного момента.

Учителями (и воспитателями) Шина в лагере были охранники. Они выбрали ему мать и отца. Они научили его постоянно помнить, что любой нарушитель лагерных порядков заслуживает смерти. На склоне холма рядом с его школой был начертан девиз: **ВСЯ ЖИЗНЬ В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ И ПРЕДПИСАНИЯМИ**. Мальчик хорошо выучил десять правил поведения в лагере, «Десять Заповедей», как он называл их позднее, и до сих пор помнит их наизусть. Первое правило гласило: **«Задержанные при попытке к побегу расстреливаются немедленно»**.

Через десять лет после той казни охранники снова собрали на поле огромную толпу, только рядом с деревянным столбом соорудили еще и виселицу.

На этот раз он приехал туда на заднем сиденье машины,

за рулем которой сидел один из охранников. Руки Шина были скованы наручниками, а глаза замотаны тряпкой. Рядом с ним сидел его отец. Тоже в наручниках и тоже с повязкой на глазах.

Их только что выпустили из расположенной внутри Лагерь 14 подземной тюрьмы, где они провели восемь месяцев. Перед освобождением им поставили условие: дать подписку о неразглашении всего, что происходило с ними под землей.

В этой тюрьме внутри тюрьмы Шина с отцом пытали, чтобы выбить признание. Охранники хотели знать о неудачной попытке побега, которую предприняли мать Шина и его единственный брат. Солдаты раздевали Шина, подвешивали над огнем и медленно опускали. Он терял сознание, когда начинала поджариваться его плоть.

Тем не менее он ни в чем не признался. Ему было просто не в чем признаваться. Он не замыслил бежать вместе с матерью и братом. Он искренне верил в то, чему его с рождения учили в лагере: во-первых, убежать невозможно, а во-вторых, услышав любые разговоры о побеге, необходимо доложить о них охране. Фантазий о жизни за пределами лагеря у Шина не возникало даже во сне.

Надзиратели в лагерной школе никогда не учили Шина тому, что назубок знает любой северокорейский школьник: что американские «империалистические выродки» строят планы напасть на его социалистическую родину, разорить и уничтожить ее, что «марионеточный режим» Южной Кореи покор-

но служит своему американскому повелителю, что Северная Корея – это великая страна, отваге и мудрости руководителей которой завидует весь мир... Он попросту даже не догадывался о факте существования Южной Кореи, Китая или Штатов.

В отличие от соотечественников маленького Шина не окружали вездесущие портреты Дорогого руководителя Ким Чен Ира. Мало того, он никогда не видел ни фотографий, ни изваяний его отца, Великого Вождя Ким Ир Сена, остающегося Вечным Президентом КНДР несмотря на свою смерть в 1994 году.

Хоть Шин был и не так важен для режима, чтобы тратить время и силы на его идеологическую обработку, доносить на родных и одноклассников его учили с малолетства. В награду за стукачество ему давали еды, а также позволяли вместе с охранниками избивать преданных им детей. Одноклассники же в свою очередь закладывали и били его. *Когда охранник снял с его глаз повязку, Шин увидел толпу, деревянный столб, виселицу и подумал, что его вот-вот казнят.* Однако никто не стал засовывать ему в рот горсть камней. С него сняли наручники. Солдат отвел его в первый ряд замершей в ожидании толпы. Им с отцом была отведена роль наблюдателей.

Охранники подтащили к виселице женщину средних лет, а к столбу привязали молодого человека. Это были мать и старший брат Шина.

Солдат затянул на шее матери петлю. Мать попыталась поймать взгляд Шина, но он отвел глаза. Когда прекратились конвульсии и ее тело обмякло, трое охранников расстреляли брата Шина. Каждый из них сделал по три выстрела.

Шин смотрел, как они умирают, и радовался, что не оказался на их месте. Он очень злился на мать с братом за попытку побега. И хотя он целых 15 лет никому не признавался в этом, Шин был уверен, что виноват в их смерти именно он.

Введение. Он никогда не слышал слова «любовь»

Через девять лет после казни матери Шин протиснулся между рядами электрифицированной колючей проволоки и побежал по снежной равнине. Это случилось 2 ноября 2005 года. До него никому из родившихся в северокорейских лагерях для политических заключенных бежать еще не удавалось. По всем имеющимся данным, Шин был первым и на данный момент единственным, у кого это получилось.

Ему было 23, и за пределами огороженного стеной из колючей проволоки лагеря он не знал ни одной живой души.

Через месяц он перешел через границу на китайскую сторону. Через два года он уже жил в Южной Корее. Через четыре поселился в Южной Калифорнии и стал работать полномочным представителем американской правозащитной организации «Свобода в Северной Корее» («Liberty in North Korea», или «LiNK»).

В Калифорнии он ездил на работу на велосипеде, болел за бейсбольную команду «Cleveland Indians» (потому что за них играл южнокореец Шин Су Чу) и два-три раза в неделю обедал в «In-N-Out Burger», считая, что гамбургеров лучше тамошних не сыщешь в целом свете.

Теперь его зовут Шин Дон Хёк. Он поменял имя сразу по-

сле приезда в Южную Корею, пытаясь таким образом начать новую жизнь – жизнь свободного человека. Сегодня это симпатичный мужчина с цепким, вечно настороженным взглядом. Одному из дантистов Лос-Анжелеса пришлось хорошенько поработать над его зубами, чистить которые в лагере у него не было никакой возможности. В общем и целом он почти идеально здоров. Но тело его превратилось в наглядное свидетельство всех лишений и тягот детства, проведенного в одном из трудовых лагерей, сам факт существования которых Северная Корея категорически отрицает.

От постоянного недоедания он так и остался очень невысоким и худым: роста в нем меньше 170 сантиметров, а веса – всего килограмм 55. Руки у него скрючены от непосильного труда. Нижняя часть спины и ягодицы сплошь покрыты шрамами от ожогов. На коже живота чуть выше лобка видны проколы от железного крюка, удерживавшего его тело над пыточным костром. На щиколотках остались шрамы от оков, за которые его подвешивали вверх ногами в одиночной камере. Ноги от щиколоток до коленей изуродованы ожогами и шрамами от электрифицированных кордонов из колючей проволоки, так и не сумевших удержать его в Лагере 14.

Шин приблизительно одного возраста с Ким Чен Ыном, упитанным, щекастым третьим сыном и официальным «великим наследником» Ким Чер Ира. Будучи почти сверстниками, эти два антипода олицетворяют собой бесконечные привилегии и тотальную нищету, то есть два полюса жизни в

Северной Корее, формально бесклассовом обществе, где на деле судьба человека полностью зависит от кровного родства и заслуг или прегрешений его предков.

Ким Чен Ын родился коммунистическим принцем и воспитывался за дворцовыми стенами. Под вымышленным именем он получил среднее образование в Швейцарии, а потом вернулся в Северную Корею учиться в элитном университете имени своего дедушки. Благодаря своему происхождению он находится выше любых законов и обладает неограниченными возможностями. В 2010 году, несмотря на полное отсутствие военного опыта, был произведен в звание Генерала армии.

Шин родился рабом и рос за изгородью из колючей проволоки, по которой был пропущен ток высокого напряжения. Элементарные навыки чтения и счета он получил в лагерной школе. Кровь его была безнадежно замарана преступлениями отцовских братьев, и поэтому он не имел никаких прав и возможностей. Государство заранее вынесло ему приговор: непосильный труд и ранняя смерть от вызванных недоеданием болезней... и все это без суда, следствия, возможности обжалования... и в обстановке полной секретности.

Истории о людях, сумевших выжить в концлагерях, чаще всего строятся на достаточно стандартной сюжетной схеме. Органы госбезопасности забирают главного героя из уютного дома, отрывая его от любящих родных и близких. Чтобы

выжить, ему приходится отбросить все моральные принципы и человеческие чувства, перестать быть человеком и превратиться в «одинокого волка».

Самой прославленной историей такого типа является, наверно, «Ночь» нобелевского лауреата Эли Визеля. 13-летний рассказчик в этой книге объясняет свои мучения, повествуя о нормальной жизни, существовавшей до того, как его вместе со всей семьей загнали в вагоны, идущие в немецкие лагеря смерти. Визель каждый день изучал Талмуд. Отец его был владельцем магазина, присматривал за порядком в их родной румынской деревне. Рядом всегда был дед, с которым они отмечали все иудейские праздники. Но после того как вся семья погибла в лагерях, Визель почувствовал «одиночество, ужасное одиночество в мире без Бога, без человека. Без любви и сострадания».

Но история выживания Шина совсем иная.

Его была мать, и он видел в ней только соперника в борьбе за еду. Отец, которому охранники позволяли спать с матерью всего пять ночей в году, полностью его игнорировал. Шин почти не знал своего брата. Дети в лагере враждовали и издевались друг над другом. Кроме всего прочего в своей жизни Шин понял, что залогом выживания является умение наступать на других первым.

Слова «любовь», «жалость» и «семья» не имели для него никакого смысла. *Бог не умирал у него в душе и не исчезал из его жизни. Шин никогда даже не слышал о Боге. В*

предисловии к своей «Ночи» Визель написал, что знания ребенка о смерти и зле «должны ограничиваться тем, что о них можно узнать из литературы».

Шин в Лагере 14 не знал, что существует литература. Он видел там всего одну книгу – учебник грамматики корейского языка. Ее часто держал в руках одетый в военную форму учитель, который носил на поясе кобуру с револьвером, а как-то раз тяжелой указкой забил до смерти одну из его одноклассниц.

В отличие от тех, кто боролся за выживание в концлагерях, Шин никогда не чувствовал, что его вырвали из нормальной цивилизованной жизни и низвергли на дно ада. Он в этом аду родился и вырос. Он принял его законы и правила. Он считал этот ад своим родным домом.

На текущий момент можно сказать, что северокорейские трудовые лагеря просуществовали вдвое дольше советского ГУЛАГа и в 12 раз – фашистских концлагерей. О месторасположении этих лагерей никаких уже споров не ведется: на спутниковых фотографиях высокой четкости, которые может посмотреть в Google Earth любой имеющий доступ к интернету человек, видны гигантские огороженные заборами зоны среди северокорейских горных хребтов.

По оценкам южнокорейских правительственных организаций, в этих лагерях содержится около 154 000 узников. Госдепартамент США и несколько правозащитных групп

считают, что количество заключенных достигает 200 000. Изучив собранные за десятилетия спутниковые снимки лагерей, аналитики Amnesty International заметили, что в 2011 году на их территории началось строительство новых сооружений, и с большой озабоченностью предположили, что происходит это в результате резкого роста населенности таких зон. Вполне вероятно, что таким образом спецслужбы Северной Кореи пытаются еще в зародыше ликвидировать возможность возникновения народных волнений в период перехода власти от Ким Чен Ира к его молодому и не проверенному в деле сыну. (1)

По сведениям южнокорейской разведки и правозащитных организаций, на территории страны существует шесть таких лагерей. Самый крупный простирается на 50 км в длину и 40 км в ширину, т. е. по площади превосходит Лос-Анджелес. Большинство лагерей окружены электрифицированными изгородями из колючей проволоки со сторожевыми вышками, вдоль которых постоянно патрулирует вооруженная охрана. В двух лагерях – № 15 и № 18 – находятся зоны революционизации, где самые удачливые из заключенных проходят курс идеологической переподготовки и изучают труды Ким Чен Ира и Ким Ир Сена. Способные вызубрить эти учения и доказать свою лояльность режиму могут получить шанс выйти на свободу, однако даже в этом случае до конца своей жизни останутся под пристальным наблюдением госбезопасности.

Остальные лагеря являются «районами полного контроля», где заключенных, считающихся «неисправимыми» (2), доводят до смерти изнурительным трудом.

Именно таким районом тотального контроля является Лагерь 14, в котором жил Шин, – самый страшный из всех. Именно сюда отправляются многие пострадавшие в «чистках рядов» партийные, государственные и военные чиновники, зачастую вместе с семьями. В этом основанном в 1959 году лагере, находящемся в центральном регионе Северной Кореи (неподалеку от городка Кэчхон в провинции Южный Пхёнган), содержится до 15 000 узников. На расползшейся по глубоким горным ущельям и долинам территории размерами около 50 км в длину и 25 км в ширину работают сельскохозяйственные предприятия, шахты и заводы.

Шин – единственный из родившихся в трудовом лагере людей, кому удалось совершить побег, но на данный момент в свободном мире есть еще не меньше 60 других очевидцев, побывавших в таких лагерях. (3) По крайней мере 15 из них – это граждане Северной Кореи, прошедшие идеологическое перевоспитание в специальной зоне Лагеря 15, заслужившие, таким образом, свободу и позднее сумевшие перебраться в Южную Корею. Удавалось бежать в Южную Корею и бывшим охранникам других трудовых лагерей. Бывший подполковник Северокорейской армии Ким Ён, некогда занимавший высокие посты в Пхеньяне, провел шесть лет в двух лагерях и смог убежать, спрятавшись в вагоне поезда,

перевозившего уголь.

Тщательно изучив свидетельства этих людей, представители Коллегии адвокатов Южной Кореи в Сеуле составили максимально подробное описание повседневной жизни в лагерях. Каждый год в них проводится несколько показательных казней. Других людей забивают до смерти или расстреливают охранники, имеющие практически ничем не ограниченную лицензию на убийства и сексуальное насилие. Большинство заключенных занято выращиванием урожая, добычей угля в шахтах, шитьем армейской униформы и производством цемента. Дневной рацион узников состоит из кукурузы, капусты и соли, в количествах, достаточных только для того, чтобы не умереть голодной смертью. У них выпадают зубы, чернеют десны, теряют прочность кости. К 40 годам большинство из них уже не могут разогнуться и ходить в полный рост. Заключенные получают один-два комплекта одежды в год, поэтому жить, спать и работать им приходится в грязных лохмотьях, без мыла, носков, рукавиц, нижнего белья и туалетной бумаги. Работать по 12–15 часов в день они обязаны до самой смерти, которая наступает, как правило, от болезней, вызванных недоеданием, еще до наступления 50-летнего возраста. (4) Точные данные о количестве погибших получить практически невозможно, но, по оценкам западных правительственных и правозащитных организаций, в этих лагерях нашли свою смерть сотни и сотни тысяч людей.

В большинстве случаев граждан Северной Кореи отправляют в лагеря без суда и следствия, и многие из них умирают там, так и не узнав ни сути обвинений, ни приговора. Сотрудники Департамента государственной безопасности (части полицейского аппарата с 270 000 сотрудниками в штате (5)) забирают людей прямо из дома, чаще всего по ночам. Принцип распространения вины осужденного на всех членов его семьи имеет в Северной Корее силу закона. Вместе с «преступником» часто арестовывают его родителей и детей. Ким Ир Сен сформулировал этот закон в 1972 году следующим образом: «Семя наших классовых врагов, кем бы они ни были, должно быть вытравлено из общества в трех поколениях».

Впервые я увидел Шина зимой 2008 года. Мы договорились встретиться в корейском ресторанчике в центре Сеула. Шин был разговорчив и очень голоден. За время нашей беседы он умял несколько порций риса с говядиной. За едой он рассказал нам с переводчиком о том, каково было смотреть, как вешали его мать. Он возложил на нее вину за перенесенные в лагере пытки и даже признался, что до сих пор ненавидит ее за это. Еще он сказал, что никогда не был «хорошим сыном», но не объяснил почему.

Он рассказал, что за все свои лагерные годы он ни разу не слышал слова «любовь», особенно от матери, женщины, которую он продолжает презирать даже после ее смерти. О

концепции всепрощения он впервые услышал в южнокорейской церкви. Но он не понял его сути. По его словам, просить прощения в Лагере 14 означало просто «умолять не наказывать».

Он написал о пережитом в лагере книгу воспоминаний, но ею в Южной Корее мало кто заинтересовался. В момент нашей встречи у него не было ни работы, ни денег, он сильно задолжал за квартиру и не знал, что делать дальше. Правила в Лагере 14 под страхом смерти запрещали интимные контакты с женщинами. Теперь ему хотелось начать нормальную жизнь и найти себе подружку, но он, по его собственным словам, даже не представлял, с чего начинать поиски и как это делать.

После ужина он отвел меня в свою убогую, но тем не менее непозволительно дорогую для него сеульскую квартирку. Упрямо стараясь не смотреть мне в глаза, он все-таки показал мне свой отрубленный палец и испещренную шрамами спину. Он позволил мне себя сфотографировать. Несмотря на все перенесенные страдания, лицо у него было совсем детское. Ему тогда было 26 лет... с момента побега из Лагера 14 прошло три года.

Мне же в момент, когда состоялась эта памятная встреча, было 56. Будучи корреспондентом «Washington Post», я уже больше года искал историю, способную объяснить, как северокорейские власти используют репрессии в попытках спасти свою страну от полного краха.

«Коллапс» политических систем стало моей журналистской специальностью. Почти три десятилетия я работал на «Washington Post» и «New York Times», рассказывая о «несостоятельных государствах» Африки, крушении коммунистического блока в Восточной Европе, распаде Югославии и мучительно медленной стагнации находящейся под властью генералов Бирмы. Любому находящемуся в свободном мире наблюдателю кажется, что Северная Корея уже созрела (а в действительности давно перезрела) для такого же коллапса. В регионе, где буквально все вокруг становились богаче, народ этой страны становился все беднее, голоднее и оказывался во все более глухой изоляции от мира.

Тем не менее Ким Чен Ир не ослаблял своей железной хватки. Тоталитаризм и репрессии помогали ему удерживать на плаву свое полумертвое государство.

Для меня главной проблемой, мешавшей продемонстрировать, как правительству Ким Чен Ира это удастся, была полная закрытость страны. В остальных частях мира жестоким тоталитарным режимам не всегда удается наглухо запечатать свои границы. У меня была возможность открыто работать в Эфиопии Менгисту Хайле Мариаме, Конго Жозефа-Дезире Мобуту и Сербии Слободана Милошевича. Написать про Бирму мне удалось, пробравшись туда под видом туриста.

Но северокорейский режим ведет себя гораздо осторожнее. Иностранных репортеров, особенно американцев, на

территорию страны пускают очень редко. Я смог побывать в Северной Корее всего раз. Там я увидел только то, что мне хотели показать мои «опекуны» из госбезопасности, а о реальной жизни страны я практически ничего не узнал. Журналисты, пытающиеся проникнуть в Северную Корею нелегально, рискуют на месяцы или даже годы угодить в тюрьму за шпионаж. Для освобождения этих людей, бывало, требовалось вмешательство бывших американских президентов.

(6)

Из-за этих ограничений журналистские материалы о Северной Корее в большинстве своем пусты и пресны. Такие репортажи, как правило, пишутся где-нибудь в Сеуле, Токио или Пекине и начинаются с рассказа об очередной провокации Пхеньяна, например, застреленной мирной туристке или потопленном военном корабле. Затем следует давно набивший оскомину набор журналистских штампов: американские и южнокорейские официальные лица выразили крайнее возмущение, китайские официальные лица призвали к сдержанности, ведущие аналитики предположили, как дальше будут развиваться события и т. д. Я и сам таких заметок написал предостаточно.

Но с появлением Шина все эти репортерские стандарты рухнули. История его жизни стала ключом, открывшим ранее наглухо запертые двери и позволившим любому аутсайдеру увидеть, как клан Кимов использует детский рабский труд и убивает граждан своей страны ради сохранения вла-

сти. Через несколько дней после нашей встречи миловидное лицо Шина и материал о пережитых им ужасах появились на первой полосе «Washington Post».

«Ого!» – электронное сообщение с одним-единственным этим словом пришло мне от председателя совета директоров «Washington Post Company» Доналда Е. Грэма в утро публикации материала. Немецкий кинорежиссер, приехавший в вашингтонский Музей Холокоста, в день выхода статьи решил снять документальный фильм о жизни Шина (7). «Washington Post» опубликовала редакционную статью, в которой говорилось, что, как бы ни было ужасно все то, что пришлось пережить Шину, еще больший ужас вызывает равнодушие, с которым мир относится к факту существования трудовых лагерей в Северной Корее.

«Сейчас американские школьники спорят о том, почему президент Франклин Д. Рузвельт не стал бомбить железные дороги, ведущие в гитлеровские лагеря смерти, – говорилось в последних строках этой статьи, – но буквально через поколение уже их дети могут спросить, почему страны Запада бездействовали, смотря на предельно четкие и понятные спутниковые снимки лагерей Ким Чен Ира».

История Шина вроде бы задела за живое и обычных читателей. Люди присылали бумажные и электронные письма, предлагая помочь ему деньгами или жильем, стараясь поддержать его молитвами.

Супруги из Коламбуса, штат Огайо, прочитали статью,

связались с Шином и оплатили его переезд в США. Лоуэлл и Линда Дай сказали Шину, что хотели бы стать для него родителями, которых у него никогда не было.

У прочитавшей мою статью американки корейского происхождения Харим Ли появилась мечта встретиться с Шином. Позднее они встретились в южной Калифорнии и полюбили друг друга.

Моя статья была всего лишь очень поверхностным рассказом о жизни Шина, и я в какой-то момент подумал, что более глубокое исследование его истории поможет нам сорвать покровы тайны с механизмов тоталитарного режима Северной Кореи. Конкретное же изучение подробностей невероятного побега Шина может также продемонстрировать, что некоторые детали этой машины уже пришли в полную негодность, в результате чего совершенно не ориентирующийся в большом мире молодой беглец смог незамеченным пройти через почти всю территорию полицейского государства и перебраться в Китай. Не менее важным будет и еще один результат: никто из прочитавших книгу о мальчике, родившемся в Северной Корее только для того, чтобы погибнуть от непосильного труда, не сможет больше игнорировать факт существования лагерей.

Я спросил у Шина, не заинтересует ли его этот проект. Он размышлял целых девять месяцев. Все это время активисты правозащитных движений из Южной Кореи, Японии и США убеждали его согласиться на сотрудничество, гово-

ря, что изданная на английском языке книга поможет людям всего мира понять, что происходит в Северной Корее, даст возможность оказывать на ее власти серьезное международное давление, а также, вероятно, позволит лично ему решить свои финансовые проблемы. Когда Шин дал согласие, мы с ним договорились провести семь серий интервью: сначала в Сеуле, затем в калифорнийском Торренсе и, наконец, в Сиэтле, штат Вашингтон. Доходы с книги мы договорились поделить пополам. Но я получил полный контроль над ее содержанием.

Шин начал вести дневник в начале 2006 года, т. е. приблизительно через год после побега из Северной Кореи. Он продолжал писать и оказавшись в одной из сеульских больниц с тяжелой депрессией. Именно эти дневниковые записи легли в основу его книги воспоминаний «Побег в большой мир», изданной в 2007 году на корейском языке Центром сбора данных о нарушениях прав человека на территории Северной Кореи.

Содержание этой книги стало отправной точкой для нашей совместной работы. И вот что интересно: *Мне постоянно казалось, что Шину страшно со мной разговаривать. Нередко я чувствовал себя дантистом, взявшимся без анестезии сверлить ему зубы.* Эта мучительная для Шина процедура затянулась на два с лишним года. Он изо всех сил старался заставить себя доверять мне. Вообще он охотно признавался, что ему стоит большого труда заставить

себя доверять не только мне, а и любому другому человеку. Это недоверие было неизбежным следствием полученного в детстве воспитания. Надзиратели научили его предавать и продавать своих родителей и друзей, и он до сих пор не может избавиться от уверенности, что все прочие люди будут поступать с ним точно так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.